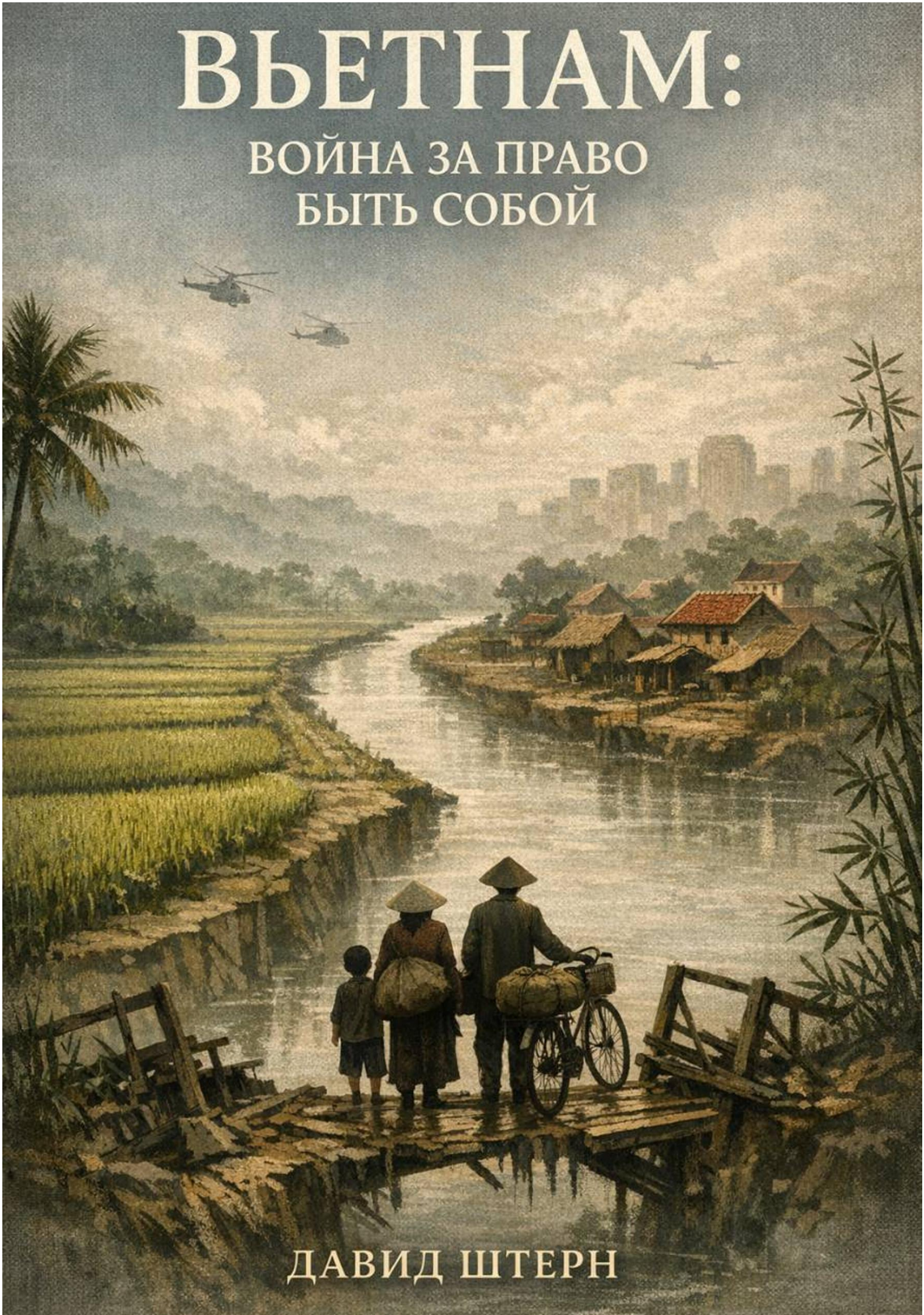
ВЬЕТНАМ:

ВОЙНА ЗА ПРАВО БЫТЬ СОБОЙ



ДАВИД ШТЕРН

Давид Штерн

Вьетнам: война за право быть собой

«Автор»
2026

Штерн Д.

Вьетнам: война за право быть собой / Д. Штерн — «Автор», 2026

30 апреля 1975 года танки вошли в Сайгон - так закончилась война, длившаяся тридцать лет. Но эта книга не только о последнем дне. Штерн рассказывает, как Вьетнам прошёл путь от французской колонии до разделённой страны, как появились два государства с разными армиями и союзниками, и почему война стала не только борьбой с иностранцами, но и столкновением самих вьетнамцев.Автор разбирает решения руководителей, ход боевых действий и влияние внешних держав - Франции, США, Китая и СССР. Он показывает, как помощь и зависимость от союзников определяли возможности сторон, почему сильная армия и большая поддержка не гарантировали победы и как политические цели сталкивались с ценой войны. Книга помогает понять сложную историю без упрощений: почему победа далась такой ценой и что значила независимость для тех, кто её добивался. Для всех, кто хочет разобраться в одной из главных войн XX века.

© Штерн Д., 2026
© Автор, 2026

Давид Штерн
Вьетнам: война за право быть собой

Введение

Утром 30 апреля 1975 года в Сайгоне ещё работало радио. Новый президент Республики Вьетнам Зыонг Ван Минь призвал вооружённые силы прекратить сопротивление. Он занимал свой пост менее двух суток. Войска, наступавшие на столицу, уже входили в город.

Вскоре танки проломили ворота дворца Независимости. Люди, собравшиеся внутри, ждали представителей победившей стороны. Минь предложил передать власть. Ему ответили, что передавать уже нечего: прежняя власть утратила её.

Этот день во всём Вьетнаме ждали, но не все ждали одного и того же.

Для солдат, пришедших с Севера, и для многих сторонников революционного движения на Юге падение Сайгона означало победу после долгих лет войны. Для них заканчивалась борьба, начатая ещё против французской колониальной власти и продолженная против южновьетнамского правительства и его американского союзника. Страна, разделённая в 1954 году, теперь могла стать единой.

Для офицеров и чиновников Республики Вьетнам тот же день означал поражение государства, которому они служили. Одни оставались дома, надеясь на примирение или не имея возможности уехать. Другие пытались покинуть страну. Американская эвакуация уже завершалась; у стен посольства и в порту оставались люди, рассчитывавшие найти место на корабле или самолёте.

Большинству жителей предстояло встретить новую власть там, где их застал конец войны. Люди искали родственников, возвращались к оставленным домам, выясняли, что произошло с близкими на фронте. Многие прежде всего надеялись, что больше не будет обстрелов, мобилизаций и похорон.

Один день не мог вместить все эти переживания, но в нём сошлись главные вопросы вьетнамской войны. Кто имел право говорить от имени страны? Что означало её освобождение? Почему вьетнамцы оказались по разные стороны фронта? И почему война, в которую вмешались крупнейшие державы мира, закончилась решением её судьбы на улицах Сайгона?

Эта книга посвящена поиску ответов.

За пределами Вьетнама войну часто рассматривают через опыт Соединённых Штатов. Американские президенты обсуждали, сколько войск направить в Юго-Восточную Азию и каким целям должны служить бомбардировки. Генералы составляли планы операций. Журналисты показывали сражения и разрушенные деревни. Молодые американцы получали повестки, отправлялись на фронт или протестовали против войны. Для США Вьетнам стал тяжёлым политическим и нравственным испытанием.

Всё это важно. Но если начать рассказ с американских решений и ими же закончить, вьетнамцы окажутся на обочине собственной истории. Они будут появляться в ней как союзники или противники Вашингтона, как жертвы бомбардировок либо как население территории, которую пытались контролировать воюющие армии. Между тем именно вьетнамцы жили на этой земле до прибытия американских войск и остались на ней после их ухода.

Для них вопросы войны были другими и существовали задолго до того, как они заняли центральное место в американской политике. Кому принадлежит власть в стране? Должны ли французы сохранить свои позиции после Второй мировой войны? Возможен ли независимый Вьетнам под властью императора? Как разделить землю? Что произойдёт с религиозными общинами? Какое правительство имеет право призывать людей в армию, собирать налоги и распоряжаться их будущим?

Не все отвечали на эти вопросы одинаково. Вьетнамцы воевали против французов и против японского присутствия, затем друг против друга. Они служили в армиях Ханоя и Сайгона, поддерживали подполье или пытались держаться от него подальше. Они сотрудничали с иностранными державами, сопротивлялись им, принимали их помощь и опасались их влияния. Некоторые за свою жизнь несколько раз меняли сторону; другие не принадлежали ни к одной, но всё равно теряли дом, родных или собственную жизнь.

Поэтому история войны не может быть написана только как история национального единодушия. Единство страны было целью, за которую боролись миллионы людей. Но относительно того, каким должно быть объединённое государство, и кто должен им управлять, согласия не существовало.

Во второй половине XIX века Франция завоевала Вьетнам и включила его территории в состав своей колониальной системы. Она правила ими в разных административных формах, но основные решения принимались не большинством местного населения. Земля, налоги, торговля, труд и образование были встроены в порядок, служивший прежде всего сохранению колониальной власти и интересам метрополии.

Сопротивление этому порядку принимало разные формы. Одни надеялись восстановить власть вьетнамского двора. Другие добивались реформ, образования и политического равноправия. Третьи создавали революционные организации и готовились к вооружённой борьбе. Со временем важнейшее место среди них заняло коммунистическое движение, связанное с именем Хо Ши Мина.

Во время Второй мировой войны французское положение в Индокитае ослабло. Япония установила военное господство, хотя французская администрация ещё несколько лет продолжала действовать. В 1945 году прежний порядок рухнул. В сентябре в Ханое Хо Ши Мин провозгласил независимость Демократической Республики Вьетнам.

Провозгласить независимость оказалось легче, чем удержать её. Франция стремилась восстановить свои позиции. Другие державы преследовали собственные цели. Внутри страны существовали силы, не желавшие признавать руководство Вьетминя или опасавшиеся власти коммунистов. Переговоры не предотвратили войны.

В 1954 году, после поражения французских сил при Дьенбьенфу, Женевские соглашения остановили войну между Францией и Демократической Республикой Вьетнам. Была установлена временная военная демаркационная линия, разделившая страну. Политическое урегулирование, которое должно было определить её дальнейшую судьбу, не состоялось. На Севере и Юге укрепились разные правительства.

Для руководства в Ханое разделение было препятствием к завершению национального освобождения. Для южновьетнамских властей и их сторонников коммунистическое правительство представляло угрозу их политическому и общественному порядку. Для многих жителей выбор был не столь определённым. Они могли желать независимости от иностранцев, но не доверять коммунистам; поддерживать объединение и одновременно страшиться новой войны; служить одной власти, имея родственников на территории другой.

Война возникла из этих противоречий и усилила их. Борьба против внешнего вмешательства переплелась с борьбой за власть внутри страны. Нельзя убрать ни одну из этих сторон и сохранить правдивую картину.

В книгах о войне нередко встречаются названия, за которыми исчезают люди. «Ханой» принимает решение. «Сайгон» отвергает предложение. «Вьетконг» начинает наступление. Такие обозначения необходимы для краткости, но они легко создают ложное впечатление, будто каждая сторона была единым организмом, а все жившие на её территории разделяли взгляды правительства.

Северным Вьетнамом руководила коммунистическая партия. Она создала государственные институты, провела социальные преобразования, мобилизовала население и армию для

продолжительной борьбы. Её авторитет опирался на участие в войне против французов и на обещание независимости и объединения. В то же время власть ограничивала политическую оппозицию, а земельная реформа сопровождалась тяжёлыми злоупотреблениями и насилием. Позднее руководство признало серьёзные ошибки при её проведении.

На Юге сложилась Республика Вьетнам. Она получала огромную поддержку США и зависела от неё. Однако её нельзя описать только как декорацию американской политики. У республики были собственные чиновники, офицеры, политические деятели и граждане. Многие из них считали, что защищают страну от коммунистического правления. Одни связывали с южным государством религиозные убеждения, другие опасались конфискаций и репрессий, третьи видели в нём возможность сохранить привычный образ жизни.

При этом южновьетнамские власти сталкивались с кризисами легитимности, борьбой между политическими и военными группами, коррупцией и недовольством в сельских районах. Их противники пользовались этими слабостями, но не создали их из ничего.

На Юге действовал Национальный фронт освобождения, объединивший силы, выступавшие против сайгонского правительства. Его историю невозможно отделить от решений и поддержки Ханоя. Но невозможно понять её и без местных причин сопротивления, без участия южновьетнамских активистов, крестьян и командиров, для которых происходившее было борьбой за власть и справедливость в собственных деревнях и провинциях.

Эта книга рассматривает обе части страны и отношения между ними. Она не исходит из того, что любое решение руководства на Севере автоматически выражало интересы каждого вьетнамца. Но она не считает и южное государство самостоятельным только потому, что у него были собственный флаг и армия. Степень самостоятельности, общественная поддержка и ответственность за проводимую политику требуют отдельного исследования в каждом случае.

Франция, США, Китай и Советский Союз обладали ресурсами, несравнимыми с возможностями истощённого войнами Вьетнама. Их деньги, оружие, советники, дипломатическая поддержка и собственные войска оказывали огромное влияние на ход событий.

Франция стремилась удержать или восстановить контроль над Индокитаем. Соединённые Штаты всё теснее связывали судьбу Южного Вьетнама со своей политикой сдерживания коммунизма. Китай и СССР помогали противникам французского и американского присутствия, исходя при этом из собственных интересов и нередко соперничая друг с другом.

Внешняя помощь была необходима воюющим сторонам, но она всегда имела цену. Южновьетнамские руководители нуждались в американском оружии, финансировании и поддержке. Руководство в Ханое зависело от поставок и дипломатической позиции социалистических союзников. Каждой стороне приходилось учитывать желания покровителей, их ограничения и перемены в отношениях между ними.

Однако зависимость не означала полного подчинения. Вьетнамские руководители спорили с союзниками, отклоняли советы, затягивали решения и добивались того, что считали необходимым. Иногда они принимали помощь с расчётом использовать её для целей, которые иностранные партнёры понимали иначе.

Это обстоятельство особенно важно в разговоре о США. Американская мощь позволяла перебрасывать во Вьетнам сотни тысяч солдат, проводить крупные операции и наносить удары с воздуха в масштабах, недоступных противнику. Но она не давала Вашингтону возможности по собственному желанию создать устойчивую политическую власть на Юге или заставить Ханой отказаться от его целей.

Военная сила причиняла огромный ущерб. Она изменяла ход отдельных кампаний и повышала цену продолжения войны. Но её действие зависело от того, чего именно хотели добиться применявшие её руководители, какую цену готовы были платить их противники и как реагировало население.

Война во Вьетнаме была международным конфликтом. Она не была только игрой великих держав, в которой вьетнамцам отводилась роль фигур на доске.

Политические руководители говорили о независимости, безопасности, революции и защите свободы. Для жителей деревни эти слова могли принимать вполне конкретный смысл: кто придёт ночью за продовольствием, кто потребует выдать имена сторонников противника и кто будет стрелять на следующий день.

Вооружённые силы боролись за контроль над населёнными пунктами, дорогами и полями. Стороны стремились получить сведения, пополнить свои ряды, собрать припасы и лишить противника поддержки. Житель деревни мог оказаться под подозрением у одной стороны за то, что выполнял требования другой. Иногда уход был единственным способом избежать немедленной опасности. Но переселение означало потерю дома, земли, могил предков и привычного круга взаимной помощи.

Города тоже менялись. В них прибывали беженцы, росли рынки и кварталы временного жилья, возникали новые возможности заработка и новые формы зависимости от военной экономики. Сайгон был не только столицей правительства и местом работы иностранных представительств. Он был городом семей, студентов, торговцев, рабочих, солдат и людей, бежавших из других районов.

На Севере бомбардировки затрагивали транспорт, предприятия, жилые районы и повседневную жизнь. На Юге население страдало от наземных боёв, артиллерийских ударов, авиации, политического террора и принудительных переселений. В Лаосе и Камбодже расширение войны также имело тяжёлые последствия для гражданских лиц.

Положение мирного населения не было побочной темой войны. Борьба за людей, их труд, верность, молчание или сведения составляла часть самой войны. Поэтому в книге военные операции рассматриваются вместе с тем, что происходило с населением в районах их проведения.

Свидетельства гражданских лиц при этом нельзя использовать только как средство вызвать сочувствие. Они помогают понять, как действовала власть, почему население поддерживало или отвергало вооружённые группы и каким образом решения, принятые далеко от конкретной деревни, меняли жизнь её жителей.

Война оставила после себя огромное число погибших и раненых. Точные оценки различаются. Подсчёты зависят от того, какие годы и территории включены в исследование, как учитываются гражданские лица и военнослужащие, что известно о пропавших без вести и насколько надёжны документы отдельных сторон.

Разногласия в цифрах не делают потери менее реальными. Но они требуют честности. Там, где источники расходятся, книга будет указывать на расхождение, а не выбирать число, наиболее удобное для заранее принятого вывода.

Ответственность за насилие также необходимо разбирать по существу. Американские бомбардировки и операции южновьетнамских и американских сил привели к гибели большого числа мирных жителей. Силы, действовавшие против Сайгона и США, также применяли террор, убивали гражданских лиц и политических противников. Отдельные преступления становились известны миру благодаря расследованиям и свидетельствам выживших; другие долго оставались предметом спора или замалчивания.

Цели сторон имели значение. Иностранное вторжение, борьба за независимость, защита существующего правительства и попытка установить революционную власть не были одним и тем же. Но политическая цель сама по себе не доказывает допустимости каждого средства. Ссылки на национальное освобождение, борьбу с коммунизмом или военную необходимость не отменяют обязанности исследовать убийства, пытки и насилие над гражданским населением.

Это не попытка механически распределить ответственность поровну. Разные стороны обладали разными возможностями и принимали разные решения. В каждом случае необходимо выяснить, что произошло, кто участвовал, что было известно командованию и какие доказательства сохранились.

Историю можно рассказывать с разных точек зрения. Эта книга выбирает вьетнамскую не потому, что существует одна позиция, которую разделяли все жители страны. Такой позиции не было.

Смотреть с точки зрения Вьетнама здесь означает прежде всего задавать вопрос о последствиях событий для страны и её населения. Решение отправить американские войска важно не только потому, что оно изменило положение президента США. Оно важно потому, что изменило ход войны на вьетнамской земле. Помощь Китая и СССР важна не только для истории отношений между социалистическими державами, но и для понимания возможностей и зависимости Ханоя. Падение Сайгона важно не только как поражение американской политики, но и как конец одного вьетнамского государства и начало нового этапа жизни для его граждан.

Такая точка зрения требует внимания к независимости. Народ, которым правит иностранная держава, не может свободно определять собственное будущее. Но независимость государства не решает автоматически всех вопросов о правах и безопасности его жителей. Власть, добившаяся ухода иностранцев, тоже принимает решения, которые могут приносить одним людям защиту и надежду, а другим заключение, потерю имущества или изгнание.

Поэтому интересы Вьетнама в книге не сводятся к интересам какого-либо правительства. В их числе были прекращение иностранного господства, безопасность населения, возможность политического выбора, сохранение страны и её восстановление после войны. Эти цели не всегда удавалось совместить. Иногда руководители ставили одну из них выше другой; иногда утверждали, что защищают их все, хотя последствия их решений говорили об обратном.

Историк не может устранить эти противоречия удачной формулой. Он должен показать, как они возникали и к чему приводили.

В апреле 1975 года война завершилась победой сил, подчинённых руководству в Ханое и союзным ему структурам на Юге. Республика Вьетнам прекратила существование. В следующем году было оформлено государственное объединение страны.

Для движения, которое десятилетиями связывало независимость с единством Вьетнама, это был результат огромного исторического значения. Французское колониальное господство осталось в прошлом. Американские боевые войска ушли ещё до конца войны. Разделение страны было преодолено.

Но окончание боевых действий не устранило последствий пережитого. Стране предстояло восстанавливать дороги, поля, предприятия и семьи. Погибли люди, которых невозможно было вернуть. Раненые нуждались в помощи. Неразорвавшиеся боеприпасы продолжали убивать и калечить. Применение дефолиантов и других химических веществ оставило долгосрочные экологические и медицинские проблемы, исследование которых продолжается.

Для многих людей на Юге наступил период неопределённости. Бывших военных и чиновников направляли в лагеря перевоспитания. Новые власти устанавливали контроль над политической и общественной жизнью, проводили экономические преобразования. Значительное число жителей покинуло страну; среди причин были страх преследования, политические ограничения, экономические трудности и семейные обстоятельства. Для тех, кто отправлялся морем, сам путь мог оказаться смертельно опасным.

Вскоре после объединения Вьетнам столкнулся и с новыми войнами в регионе. Мир, которого так долго ждали, не принёс немедленной безопасности и благополучия.

Всё это не отменяет победы 1975 года. И победа не отменяет всего этого. Чтобы понять её значение, необходимо рассмотреть и то, что было достигнуто, и то, какой ценой это произошло.

О войне написано множество книг, опубликованы документы, записаны воспоминания. Тем не менее важные вопросы остаются спорными.

Источники распределены неравномерно. Решения американских администраций отражены в большом массиве опубликованных материалов. Документы других сторон доступны в разной степени. Там, где американских свидетельств больше, существует опасность принять их подробность за полноту картины и снова поставить Вашингтон в центр повествования.

Официальные документы каждой стороны создавались людьми, имевшими собственные обязанности и интересы. Военный отчёт мог быть предназначен для обоснования действий командования. Политическая речь стремилась мобилизовать сторонников. Дипломатическая переписка отражала не только известные факты, но и предположения автора. Всё это ценные источники, если помнить, зачем и при каких обстоятельствах они появились.

Воспоминания позволяют услышать то, чего нет в приказах и сводках. Но человек, рассказывающий о событиях спустя годы, уже знает их исход. Его память связана с последующей жизнью, утратами и политическими убеждениями. Одно свидетельство может точно передавать пережитый страх и при этом ошибаться в дате или числе участников. Поэтому личные рассказы нужно сопоставлять друг с другом и с документами.

Память о войне существует не только в архивах. Она живёт в музеях, памятниках, семейных разговорах и молчании. Во Вьетнаме государственная память уделяет центральное место борьбе за независимость и победе. В общинах бывших южновьетнамцев за рубежом важное место занимают память о поражении, заключении и бегстве. Американские ветераны, французские участники войны, жители Лаоса и Камбоджи также сохраняют свои истории.

Эти воспоминания нельзя просто сложить и получить окончательный ответ. Иногда они противоречат друг другу. Иногда люди по-разному называют одни и те же события, потому что занимали в них разные места. Но без их сопоставления история останется неполной.

Главный период этой книги начинается в 1945 году, когда была провозглашена независимость Вьетнама, и завершается объединением страны после победы 1975 года. Однако начать рассказ с 1945 года было бы недостаточно. К тому времени вьетнамцы уже много десятилетий жили под французской властью, а их политические движения прошли долгий путь борьбы, поражений и организационного становления.

Поэтому первая часть обращается к более ранней истории: вьетнамской государственности, французскому завоеванию, колониальному порядку и последствиям Второй мировой войны.

Рассказ не обрывается и в 1976 году. Объединение изменило положение страны, но не подвело черту под человеческими судьбами. Послевоенная политика, исход беженцев, новые региональные конфликты и восстановление хозяйства необходимы для понимания того, что война оставила после себя.

Эта книга не ставит целью подробно изложить всю историю Вьетнама. Её задача уже и вместе с тем сложнее: понять, как страна пришла к нескольким десятилетиям войны, почему вьетнамцы и иностранные державы продолжали её, когда цена уже была очевидна, и что осталось после победы.

Начать этот рассказ следует до появления французских войск у Дананга. Чтобы понять, что было утрачено в результате завоевания и за что впоследствии боролись сторонники независимости, необходимо прежде увидеть страну, существовавшую до колониального господства.

Глава 1. Страна до завоевания

Когда в сентябре 1858 года французские и испанские корабли открыли огонь по укреплениям у Дананга, они атаковали не безымянную окраину Азии. Перед ними была страна с многовековой историей государства, письменной культурой, развитым земледелием и памятью

о войнах с более сильными соседями. Французам предстояло завоевать её, а затем удерживать. Второе оказалось не менее трудным, чем первое.

В середине XIX века Вьетнамом правила династия Нгуен. Императорский двор находился в Хюэ, в центральной части страны. На севере лежала густонаселённая дельта Красной реки, где сложилось одно из главных ядер вьетнамской цивилизации. На юге, в плодородной дельте Меконга, государство Нгуен утвердилось сравнительно недавно. Между ними тянулись узкие прибрежные равнины, отделённые горами от внутренних районов Индокитая.

Эта страна уже была объединена под одной династией, но единство не означало одинаковости. Север и Юг различались устройством сельского хозяйства, историей заселения, составом населения и отношениями с центральной властью. В горах жили народы, чья жизнь лишь отчасти подчинялась порядкам вьетнамской равнины. На юге сохранялись кхмерские общины. В центральных областях жили чамы, потомки населения государств, некогда соперничавших с вьетнамскими правителями.

Позднейшие войны часто изображались как столкновение единого народа с иностранными захватчиками. Такая картина передаёт важную часть истории, но не всю её сложность. Вьетнам имел давнюю государственную традицию. В то же время сам он складывался постепенно, через завоевания, переселения, смешение населения и борьбу между правящими домами.

Истоки вьетнамской государственности связаны прежде всего с долиной Красной реки. Эта территория долго находилась под властью китайских династий. Китайское господство принесло административные порядки, письменность образованной элиты, конфуцианские представления о государстве и множество культурных влияний. Оно же породило традицию сопротивления, которой последующие поколения придавали особое значение.

В 938 году войска Нго Куена разбили противника на реке Батьданг. Победа вошла в национальную историю как один из поворотных моментов освобождения от северного господства. Реальное становление независимой власти заняло больше времени, чем один бой: политическое единство ещё предстояло закрепить, а отношения с китайскими династиями продолжали меняться. Но Батьданг сохранил значение символа. Он напоминал о возможности победить сильного соседа на собственной земле.

Независимость не устранила китайского влияния. Вьетнамские правители заимствовали и приспосабливали институты, которые помогали управлять страной. Двор, чиновничество, экзаменационная система и политический язык испытали сильное воздействие китайской традиции. Образованные люди пользовались китайской письменностью; наряду с ней развивалась вьетнамская письменная традиция на основе иероглифических знаков, известная как тьы-ном.

В этом не было противоречия. Можно было защищать политическую самостоятельность и одновременно учиться у соседней цивилизации. Вьетнамские династии поддерживали дипломатические отношения с китайским двором, участвовали в сложившейся системе церемониальных отношений и при этом стремились самостоятельно управлять своей территорией.

Случалось, что дипломатии не хватало. В XIII веке вьетнамские силы отразили вторжения монгольской империи. В начале XV века страна вновь оказалась под властью китайской династии Мин, а затем добилась освобождения в результате продолжительной борьбы, связанной с именем Ле Лоя. Эти события остались в исторической памяти не только как военные победы. Они давали образцы политической речи, к которым позднее обращались противники французского господства.

Однако память нельзя путать с прямой линией причин и следствий. Люди XV и XX веков жили в разных обществах, по-разному понимали власть и принадлежность к стране. Когда революционеры XX века ссылались на прежние победы, они выбирали из прошлого то, что помогало объяснить современную борьбу. Эти образы были действенны именно потому, что соединяли старые представления с новыми целями.

Территория современного Вьетнама не существовала в нынешнем виде с древнейших времён. На протяжении столетий вьетнамские правители расширяли владения к югу. Этот процесс, известный как намтьен, включал войны, переселение земледельцев, создание новых административных округов и постепенное включение чужих земель в состав вьетнамского государства.

К югу от исторических вьетнамских центров существовали государства и политические объединения чамов. Они поддерживали торговые связи с другими странами региона, обладали собственной культурой и религиозными традициями. Отношения с северным соседом не сводились к постоянной войне: были периоды торговли, дипломатии и союзов. Но по мере продвижения вьетнамских сил чамские государства теряли территорию и самостоятельность.

Ещё южнее лежали земли, связанные с кхмерским миром. В дельту Меконга постепенно переселялись вьетнамцы; здесь также жили кхмеры и китайские общины. Политический контроль над регионом менялся, а к XIX веку значительная часть дельты находилась под властью Нгуен.

Для крестьян-переселенцев движение на юг означало возможность освоить землю и создать хозяйство. Для местных жителей оно нередко означало утрату прежней власти, изменение земельных отношений и необходимость приспосабливаться к новому государству. Обе стороны этого процесса принадлежат истории Вьетнама.

Поэтому было бы неверно рассказывать о стране только как об извечной жертве чужих империй. Вьетнамские династии сами расширяли свои владения и подчиняли другие общества. Это не делало французское завоевание законным и не уменьшало значения последующей борьбы за независимость. Но такой взгляд помогает точнее понять страну, в которой этническое большинство, государственная власть и население разных регионов не всегда совпадали.

В XX веке эти различия никуда не исчезли. Жители Центрального нагорья, кхмеры дельты Меконга, чамы и другие общины должны были определять своё отношение к правительствам и движениям, говорившим от имени Вьетнама. Их выбор зависел не только от вопроса о французском или американском присутствии, но и от того, как вьетнамские власти обращались с их землёй, обычаями и политическими требованиями.

К концу XVIII века вьетнамские земли пережили разрушительные внутренние конфликты. Восстание Тэйшон, начавшееся на юге, переросло в борьбу, которая изменила власть на значительной части страны. Армии двигались между севером и югом, старые правящие дома теряли позиции, затем пытались их вернуть.

В этой борьбе один из представителей рода Нгуен, Нгуен Фук Ань, сумел восстановить свои силы и в 1802 году утвердился как император Зя Лонг. Его победа положила начало династии Нгуен, правившей из Хюэ. Она объединила территорию, которая в общих чертах соответствовала основным вьетнамским землям от севера до юга.

Объединение было крупным политическим достижением, но оно не уничтожило последствия прежних войн. Разные области имели собственные элиты и традиции. Южные земли обладали иным хозяйственным укладом, чем старая северная дельта. Управление на больших расстояниях зависело от дорог, рек, чиновников и местных посредников. Лояльность населения нельзя было обеспечить одним императорским указом.

Династия стремилась укрепить центр. При преемниках Зя Лонга расширялась бюрократия, менялось административное деление, двор добивался более непосредственного контроля над провинциями. Это позволяло собирать налоги, направлять чиновников и мобилизовать людей. Но усиление власти центра могло также обострять отношения с местными обществами и правящими группами.

На протяжении первой половины XIX века вспыхивали восстания. Их причины различались: соперничество за власть, недовольство налогами и повинностями, местные конфликты, бедствия, положение отдельных общин. Нельзя представить их как единое движение против

династии или как свидетельство полного распада государства. Но они показывают, что императорский двор управлял страной, в которой сохранялось немало внутренних напряжений.

Французские руководители позднее пытались использовать эти слабости. Вьетнамские защитники, напротив, должны были воевать с внешним противником, не имея полной уверенности в согласии между двором, провинциальной администрацией и населением.

В представлении императорской власти порядок в стране зависел от правильного управления и нравственных обязанностей правителя и подданных. Конфуцианская политическая традиция придавала большое значение образованию, службе и соблюдению иерархии. Чиновник должен был быть не просто исполнителем приказов, но и носителем должного поведения.

На практике управление было менее стройным, чем в официальных наставлениях. Между императором и крестьянином находилось множество людей и учреждений: столичные ведомства, провинциальные начальники, уездные чиновники, деревенские старшины, влиятельные семьи. Каждый уровень обладал собственными возможностями и ограничениями.

Государству были нужны сведения о населении, земле и урожаях. На их основе оно рассчитывало налоги и повинности. Но получить точную картину было трудно. Земельные отношения менялись, часть участков могла скрываться от учёта, а местные влиятельные люди имели больше возможностей защищать свои интересы, чем бедные земледельцы.

Деревня занимала центральное место в хозяйстве и общественной жизни. В ней решались вопросы пользования землёй и водой, поддержания общих сооружений, сбора платежей и исполнения распоряжений властей. Храмы, общинные обряды, родственные связи и местные обычаи придавали ей устойчивость.

Однако слово «деревня» не должно создавать впечатление мира всеобщего согласия. Сельское общество было неоднородным. Одни семьи обладали землёй и влиянием, другие зависели от аренды, заработка или помощи родственников. Доступ к общинным ресурсам распределялся не всегда справедливо. Внутри деревни возникали споры, которые могли быть столь же важны для её жителей, как распоряжения из Хюэ.

Позднее и французская администрация, и вьетнамские революционеры, и правительства разделённой страны столкнутся с одной трудностью: власть, объявленная в столице, ещё нужно было провести через сложную сеть местных отношений. Но деревня времён династии Нгуен не была неизменным учреждением, сохранившимся до XX века. Колониальная экономика, войны, миграции и политическая мобилизация глубоко изменили её.

Вьетнамское государство опиралось прежде всего на сельское хозяйство. Рисовые поля давали продовольствие и доходы, необходимые для содержания армии и администрации. Земледелие требовало постоянной работы с водой: укрепления дамб, устройства каналов, согласования сезонных работ.

Особенно велика была роль водного хозяйства в северной дельте. Плотное население, ограниченность пригодной земли и опасность наводнений делали урожай зависимым не только от труда отдельной семьи. Повреждение дамбы или сбой в распределении воды мог затронуть целые районы.

На юге природные условия и история освоения были иными. Дельта Меконга предоставляла большие возможности для расширения рисового хозяйства, хотя её освоение также требовало значительных усилий. Население здесь было более разнообразным, а земельные отношения складывались иначе, чем в давно заселённых северных районах.

Эти различия имели политическое значение. Вопрос о земле позднее станет одним из главных в программах вьетнамских движений. Но ни требование земельной реформы, ни сопротивление ей нельзя понять без учёта местных условий. То, что представлялось справедливым арендаторам в одном районе, могло восприниматься как угроза владельцами земли или общинными структурами в другом.

При этом земля была связана не только с доходом. Она обеспечивала положение семьи, выполнение обрядов, возможность передать хозяйство детям и сохранить место в общине. Насильственное изменение земельных отношений затрагивало весь этот порядок.

Государство Нгуен нуждалось в образованных людях. Путь к чиновничьей должности был связан с изучением классических текстов и сдачей экзаменов. Эта система давала двору язык управления и определённый способ отбора служащих. Она также укрепляла представление о том, что политическая власть должна опираться на учёность и нравственную дисциплину.

Доступ к образованию был неравным. Для длительной учёбы требовались время, средства и поддержка семьи или общины. При этом экзаменационная система не была просто наследственной: успешная сдача могла дать человеку возможность занять положение, которого его семья прежде не имела.

Учёные и чиновники играли заметную роль в сопротивлении французскому наступлению. Но их политический выбор не был одинаковым. Одни выступали за непримиримую борьбу, другие искали компромисса, третьи считали необходимым заимствовать иностранные знания и менять методы управления.

Позднее часть образованной элиты столкнётся с тяжёлым вопросом. Если прежние знания не помогли защитить страну, что следует сохранить, а что пересмотреть? Ответы будут различаться. Для одних источником спасения останется верность двору и старому порядку. Другие придут к выводу, что независимость требует нового образования, новых учреждений и новой политики.

К началу французского завоевания европейцы не были совершенно неизвестны во Вьетнаме. В регионе действовали торговцы и миссионеры, а некоторые европейцы участвовали во вьетнамских политических и военных делах. При Зя Лонге отдельные французские и другие европейские специалисты оказали помощь его стороне в борьбе за власть.

Христианские миссии существовали во Вьетнаме задолго до середины XIX века. Постепенно сложились местные католические общины. Их члены были вьетнамцами, жившими в тех же областях и занимавшимися тем же хозяйством, что и окружающее население, хотя религиозная принадлежность связывала их с особой церковной организацией.

Отношения между двором и христианами были напряжёнными и менялись со временем. Некоторые правители считали деятельность миссионеров угрозой установленному порядку. Власти вводили ограничения, случались преследования и казни. Для европейских держав положение миссионеров и обращённых стало одним из поводов вмешательства.

Но религиозный вопрос нельзя отделить от политики имперской экспансии. Франция стремилась укрепить свои позиции в Азии, обеспечить торговые и стратегические интересы и расширить влияние. Защита христиан использовалась как важное обоснование военных действий, но не была единственной причиной наступления.

Нельзя считать всех вьетнамских католиков сторонниками французского завоевания. Религиозная община не имела единой политической позиции. Одни могли рассчитывать на защиту от преследований, другие оставались связаны с местным обществом и разделяли его отношение к чужой власти. В последующие десятилетия отношения между католиками, колониальной администрацией и национальными движениями будут складываться по-разному.

Для будущей истории страны это имело большое значение. Религиозная принадлежность могла влиять на политический выбор, но не определяла его автоматически. Попытка объяснить всю позицию человека его верой скрывает обстоятельства, в которых он жил, и решения, которые принимал сам.

К середине XIX века европейские державы располагали средствами ведения войны, которые давали им серьёзные преимущества в прибрежных операциях. Паровые корабли, корабельная артиллерия, совершенствовавшееся стрелковое оружие и опыт заморских экспедиций позволяли наносить удары по укреплениям и перемещать войска вдоль побережья.

У вьетнамской армии были свои сильные стороны. Она знала местность, могла опираться на местное население и оборонять укреплённые позиции. Двор располагал опытом мобилизации людей и ресурсов. Но знание страны не устраняло различия в вооружении, организации и возможностях флота.

Технологическое превосходство Франции не означало автоматической победы. Экспедиционные силы действовали далеко от метрополии, зависели от снабжения и сталкивались с болезнями, климатом и сопротивлением. Взять прибрежный пункт было легче, чем установить власть над внутренними районами. Даже успешная операция не отвечала на вопрос, кто будет собирать налоги, обеспечивать порядок и добиваться подчинения населения.

В 1858 году нападавшие не добились быстрого решения у Дананга. Кампания затянулась. В дальнейшем французы перенесли значительные усилия на юг, где захватили Сайгон и продолжили расширение контроля. Завоевание растянулось на десятилетия и сочетало военное давление с договорами, навязанными двору после поражений.

Для понимания последующих событий важно не только военное неравенство. Не менее важными были политические решения. В Хюэ спорили о том, как продолжать сопротивление, возможны ли переговоры и какие уступки позволят сохранить хотя бы часть самостоятельности. Во Франции также менялись обстоятельства и расчёты. Колониальная экспансия продвигалась не по заранее составленному плану, свободному от внутренних споров, но направление движения становилось всё яснее: военное присутствие превращалось в территориальное господство.

Историю Вьетнама перед завоеванием часто описывают как историю упущенной модернизации. В таком изложении двор предстает неподвижным, европейцы обладают новой техникой, и исход кажется очевидным.

Это объяснение удобно тем, что снимает необходимость разбираться в деталях. Оно также требует осторожности.

Династия Нгуен управляла большой страной и проводила административные преобразования. Её руководители не были лишены сведений о внешнем мире. Но они действовали в рамках своих представлений о государстве, располагали ограниченными ресурсами и сталкивались с внутренними проблемами. Предложения заимствовать иностранные знания существовали; вопрос состоял в том, какие именно преобразования были возможны, кто должен был их осуществить и хватило бы времени и средств, чтобы изменить соотношение сил.

Кроме того, военное поражение нельзя объяснить исключительно внутренними недостатками Вьетнама. Французская экспансия была частью более широкого движения европейских держав в Азии. Разница в морской силе, промышленном производстве, доступе к оружию и финансовых возможностях создавалась далеко за пределами решений двора в Хюэ.

Это не освобождает вьетнамских правителей от исторической оценки. Их политика могла усиливать или ослаблять способность страны к сопротивлению. Но оценивать её следует по конкретным решениям и доступным возможностям, а не по знанию того, что случилось позднее.

Тот же принцип относится к франко-вьетнамским переговорам. Для человека, знающего о последующем колониальном господстве, уступка территории может выглядеть первым шагом к неизбежной потере всей страны. Для правителя, стоявшего перед лицом военного поражения, она могла казаться способом выиграть время, сохранить армию или защитить оставшиеся области. Задача историка не в том, чтобы принять такое решение без критики, а в том, чтобы восстановить обстоятельства, в которых оно принималось.

К моменту французского вторжения Вьетнам не был ни сплочённым современным национальным государством, ни случайным соединением земель. Его население жило в рамках политического и культурного пространства, сложившегося за долгую историю, но это пространство оставалось неоднородным.

Существовали императорская власть и представление о самостоятельном государстве. Существовали образованные элиты, способные формулировать политические требования. Существовали местные общины, через которые можно было организовать сопротивление или, напротив, установить контроль. Существовала память о войнах с внешними силами. Но были и соперничество регионов, социальное неравенство, конфликты вокруг веры и власти, различия между равнинными и горными обществами.

Всё это французам предстояло использовать или преодолевать. Всё это достанется и тем вьетнамцам, которые позднее начнут борьбу против колониального порядка.

Память о прошлом не снабжала их готовой программой. Она не отвечала на вопросы, нужна ли стране монархия, кому должна принадлежать земля, как построить армию и где искать союзников. Эти решения пришлось принимать в новых условиях.

Французское завоевание стало для Вьетнама разрывом. Оно лишило страну самостоятельности, изменило управление и включило её хозяйство в систему, центры принятия решений которой находились за морем. Но завоевание не уничтожило общество, которым попыталось управлять. Вьетнамские деревни и города, местные элиты, религиозные общины и семьи продолжали жить, приспосабливаться и сопротивляться.

Из столкновения колониальной власти с этой страной возникнут новые политические движения. Их участники будут спорить друг с другом о будущем Вьетнама, но прежде им придётся ответить на общий вопрос: как вернуть стране право самостоятельно решать свою судьбу.

Глава 2. Французский Индокитай

В 1862 году, после нескольких лет войны, императорский двор в Хюэ уступил Франции три южные провинции и остров Пуло-Кондор. Договор открывал французам торговые возможности и предусматривал выплату компенсации. Для двора это была тяжёлая уступка, сделанная под военным давлением. Для Франции она стала основанием для дальнейшего продвижения.

Война на этом не закончилась. Через пять лет французы заняли ещё три южные провинции. Затем их внимание обратилось к северу, к долине Красной реки и путям в южные области Китая. К середине 1880-х годов Франция навязала свою власть всему Вьетнаму.

Завоевание не означало, что сопротивление прекратилось. Во многих районах продолжали действовать вооружённые отряды, которыми руководили чиновники, учёные, местные военные и сторонники императорского двора. Французам пришлось не только разгромить регулярные силы, но и добиться подчинения провинций, где власть колониальной администрации оставалась ненадёжной.

Постепенно на месте завоёванной страны сложилась новая система управления. Она связывала вьетнамские земли с Камбоджей и Лаосом, направляла торговлю через французские банки и порты, собирала налоги, строила дороги и железные дороги, содержала полицию и тюрьмы. При этой системе одни вьетнамцы получали образование, работу и возможности для торговли. Другие теряли землю, попадали в долговую зависимость или уходили на тяжёлую работу вдали от дома.

Колониальная власть изменила страну. Она же создала условия для появления движений, которые поставили целью эту власть уничтожить.

Французская экспедиция первоначально рассчитывала добиться успеха у Дананга. Но город не стал удобными воротами к быстрой победе. Оборона, трудности снабжения и болезни ослабляли наступавших. В 1859 году французы захватили Сайгон, рассчитывая укрепиться в южной части страны.

Дельта Меконга представляла большую ценность. Плодородные земли, судоходные реки и выход к морю давали возможности для торговли и военного присутствия. Закрепившись здесь, Франция получала базу для дальнейших действий и доступ к хозяйству региона.

Сайгон был взят, но французский контроль над окрестностями оставался ограниченным. Вьетнамские силы продолжали сопротивление, а для удержания города требовались подкрепления. В последующие годы французы расширяли занятую территорию, используя артиллерию и флот против укреплённых позиций.

Договор 1862 года закрепил их успех. Император Ты Дык и его советники рассчитывали сохранить оставшуюся часть государства и получить время. Но уступка не остановила французскую экспансию. В 1867 году под контроль Франции перешли ещё три южные провинции. Так сложилась Кохинхина, ставшая французской колонией.

Для многих местных жителей заключение договора не означало признания новой власти. Вооружённое сопротивление продолжалось. Среди его руководителей был Чыонг Динь, действовавший на юге против французских сил. После уступки провинций он остался во главе сопротивления, хотя положение его сторонников становилось всё труднее. Его судьба отражала один из болезненных вопросов завоевания: что делать, когда двор заключил договор, а местные защитники считали продолжение борьбы своим долгом?

Французам удалось закрепиться в Южном Вьетнаме благодаря военному превосходству, доступу к морю и разногласиям противников. Но удержание территории требовало постоянных усилий. Необходимо было создавать администрацию, получать сведения о населении, находить посредников и подавлять выступления. Колониальная власть строилась не на одном военном приказе, а на постепенном проникновении в местную жизнь.

Французские интересы не ограничивались югом. Важное место в их планах занимала Красная река, которая рассматривалась как возможный торговый путь к южным провинциям Китая. Французские предприниматели, военные и чиновники видели в севере Вьетнама пространство для расширения влияния.

В 1870-е годы французы предприняли вооружённые действия в Тонкине. Они столкнулись не только с силами двора Нгуен, но и с другими вооружёнными группами, действовавшими в регионе. В борьбе участвовали отряды, известные как Чёрные флаги, имевшие связи с Китаем и местными властями.

Положение было сложным и для Хюэ. Двор пытался сохранить государство, но его возможности сопротивления сокращались. Переговоры с Францией, уступки и попытки использовать отношения с Китаем не привели к устойчивому решению. В начале 1880-х годов французское давление усилилось.

После военных действий и договоров 1883 и 1884 годов Франция установила протекторат над центральной и северной частями Вьетнама. Франко-китайская война 1884–1885 годов завершилась признанием Китаем французского положения во Вьетнаме. Для Франции это было важным дипломатическим успехом. Для вьетнамского двора исчезала возможность опереться на северного соседа как на силу, способную остановить наступление.

Формальное признание протектората не обеспечило спокойствия. В 1885 году после столкновения в Хюэ молодой император Хам Нги покинул столицу. От его имени был опубликован призыв к сопротивлению, получивший известность как движение Кан Выонг, или движение «в помощь государю».

Его участники стремились защитить монархию и изгнать французов. В разных провинциях действовали собственные руководители и вооружённые группы. Они использовали местные связи, знание территории и поддержку части населения. Но их возможности были неодинаковы, а согласовать действия на больших расстояниях было трудно.

Французские войска и союзные им местные силы подавляли сопротивление по районам. Одни группы были разгромлены, другие распались после гибели или захвата руководителей. Император Хам Нги попал в плен и был отправлен в ссылку. Однако выступления продолжались и после этого: конец организованного движения не означал исчезновения недовольства.

Поражение сопротивления старого типа поставило перед вьетнамскими политическими деятелями новый вопрос. Если верность императору и вооружённые отряды не смогли освободить страну, какие организации и идеи понадобятся для следующей попытки?

Франция управляла вьетнамскими землями не как единой территорией. Кохинхина на юге была колонией. Аннам в центре и Тонкин на севере имели статус протекторатов. Это различие касалось устройства власти и юридического положения территорий.

В Кохинхине французское управление было прямым. Здесь французы раньше закрепились, активно развивали экспорт риса и создавали учреждения, связанные с колониальной экономикой. Сайгон стал важным административным и торговым центром.

В Аннаме сохранялись император и двор в Хюэ. Наличие вьетнамской монархии позволяло Франции опираться на привычные формы власти, но самостоятельность двора была ограничена. Французские представители контролировали важнейшие решения, а возможности императора зависели от отношений с колониальной администрацией.

В Тонкине также сохранялись местные административные структуры, однако французское влияние было особенно сильным. Ханой превратился в один из главных центров колониального управления. Реальная власть распределялась между французскими чиновниками и вьетнамскими служащими не поровну.

Вьетнамские чиновники были необходимы колониальной системе. Они знали язык, местные порядки и способы управления населением. Без них собирать налоги и выполнять распоряжения было бы трудно. Но их положение находилось между французским начальством и обществом, из которого они вышли. Одни использовали службу для личного продвижения, другие пытались защищать интересы местных жителей в пределах доступных полномочий. Были и те, кто разрывал с администрацией и присоединялся к сопротивлению.

В 1887 году был создан Индокитайский союз, объединивший французские владения и протектораты в регионе. Позднее в него вошёл Лаос. Во главе общей администрации находился генерал-губернатор. Система связывала вьетнамские территории с Камбоджей и Лаосом, хотя условия управления и положение населения в них различались.

Название «Индокитай» было удобно колониальной власти. Оно обозначало пространство, которым Франция стремилась управлять как целым. Но жители этого пространства имели собственные языки, политические традиции и представления о будущем. Их интересы не совпадали только потому, что французский чиновник подчинял их одному административному центру.

Различия между Кохинхиной, Аннамом и Тонкином пережили колониальную эпоху в виде разных законов, учреждений и хозяйственных связей. При этом нельзя считать, что французское деление прямо предопределило разделение страны после Женевской конференции 1954 года. Позднейшая демаркационная линия возникла в иных военных и политических условиях.

Французская власть опиралась на армию, чиновников, суды и полицию. Она также нуждалась в местных посредниках. Система не могла работать без переводчиков, писарей, деревенских старшин, сборщиков налогов и служащих, занимавших промежуточное положение между французским начальством и населением.

Сохранение отдельных вьетнамских учреждений создавало видимость преемственности. Императорский двор продолжал существовать, чиновники носили знаки своего положения, местные общины решали часть повседневных вопросов. Но ключевое право определять пределы их власти принадлежало французской администрации.

Политическое неравенство имело повседневные последствия. От происхождения человека зависело, какие должности ему доступны, как к нему относятся в учреждениях и какие возможности он имеет защитить свои интересы. Немногие вьетнамцы получали преимущества,

приближавшие их к положению французских граждан. Для большинства колониальный порядок означал подчинение законам и решениям, в выработке которых они почти не участвовали.

Французские чиновники нередко утверждали, что управляют страной ради её развития. В отдельных случаях они действительно занимались здравоохранением, строительством, образованием и упорядочением администрации. Но возможность проводить такие работы зависела от сохранения власти Франции. Когда местные требования вступали в противоречие с этой властью, средства убеждения могли быстро уступить место арестам и вооружённой силе.

Колониальный порядок держался не только на принуждении. Он создавал связи и интересы, благодаря которым часть населения работала внутри системы. Торговцы заключали выгодные сделки, землевладельцы расширяли хозяйства, образованные люди находили службу. Эти группы не обязательно считали французское господство желательным навсегда. Но их положение зависело от существовавших учреждений, и отношение к переменам у них было иным, чем у арендатора или рабочего плантации.

Земельный вопрос различался по регионам. На севере значительная часть населения жила в давно освоенной и густонаселённой дельте Красной реки. Земли на семью могло быть мало, а рост населения усиливал давление на хозяйство. На юге имелись возможности расширять обработку земель в дельте Меконга, но это не означало равного доступа к новым участкам.

При французском управлении развитие каналов и изменение правил владения способствовали освоению южных земель. Значительные участки оказывались в руках крупных собственников, включая вьетнамских землевладельцев и людей, связанных с колониальной системой. Хозяйство нередко велось силами арендаторов.

Для арендатора высокий урожай ещё не гарантировал благополучия. Нужно было отдать часть продукции владельцу земли, уплатить налоги, вернуть долг и сохранить зерно для семьи и следующего посева. Неурожай, болезнь или падение цен могли разрушить хрупкое равновесие.

Землевладелец и арендатор жили в одной стране, но по-разному оценивали существующий порядок. Первый мог видеть в расширении рисового хозяйства возможность вложить деньги и увеличить доход. Второй мог считать, что работает на земле, которая никогда не станет его собственной.

Нельзя представлять всех крупных собственников иностранцами, а всех бедняков вьетнамцами. Колониальная экономика опиралась и на местные социальные различия. Французское господство не создало неравенство с нуля, но оно изменило условия, в которых земля приобреталась, обрабатывалась и приносила доход.

На севере также существовали различные формы собственности и аренды. Рядом с частными участками сохранялись общинные земли, значение которых менялось от района к району. Богатые семьи, деревенские должностные лица, мелкие собственники и безземельные работники имели разные возможности влиять на распределение ресурсов.

Позднее земельные программы станут важной частью борьбы за поддержку деревни. Но крестьянство не было единой политической силой с одинаковыми требованиями. В одной и той же провинции люди могли желать снижения аренды, защиты собственности, отмены долгов или сохранения общинного порядка.

При французах экспорт риса из Кохинхины значительно вырос. Строились и расширялись каналы, развивались перевозки, Сайгон укреплял своё положение крупного порта. Рис шёл на внешние рынки, а вокруг торговли возникали состояния.

Эти изменения показывают, почему простой спор о том, «развивала» Франция Вьетнам или только извлекала из него богатства, не даёт полного ответа. Хозяйство действительно менялось. Увеличивались объёмы перевозок, осваивались земли, строились сооружения. Но следует спросить, кто принимал решения, кто платил за работу, кому принадлежала земля и как распределялся доход.

Рост экспорта не был равнозначен росту благосостояния каждой семьи. Цены могли меняться. Прибыль концентрировалась у собственников, торговых посредников, банков и компаний. Крестьянин, живший в районе экспортного производства, оставался уязвимым к долгам и неурожаю.

Инфраструктура тоже служила разным целям. Железная дорога могла облегчить перемещение людей и товаров внутри страны. Одновременно она помогала вывозить сырьё, связывать центры колониального управления и перебрасывать войска. Одна и та же дорога была полезна торговцу, крестьянину, чиновнику и армии, но степень пользы и возможность влиять на её строительство у них различались.

Для Франции устойчивый доход от Индокитая был важной задачей. Колониальная администрация стремилась финансировать управление и крупные проекты за счёт местных ресурсов и займов. Цена таких проектов ложилась на население через налоги, платежи и труд.

Колониальное государство получало средства из разных источников. Оно собирало прямые налоги, использовало таможенные пошлины и монополии на некоторые товары. Существенную роль играли доходы, связанные с солью, алкоголем и опиумом.

Для местных жителей налог был не отвлечённой статьёй бюджета. Его нужно было платить независимо от того, удачным оказался год или нет. Если денег не хватало, приходилось продавать часть урожая, занимать у ростовщика или искать работу вне деревни.

Государственные монополии также затрагивали повседневную жизнь. Контроль над производством и продажей определённых товаров давал администрации доход, но создавал ограничения для местных производителей и потребителей. Колониальные чиновники могли говорить о порядке и фискальной необходимости; люди на местах видели цены, проверки и наказания за нарушение установленных правил.

Доходы от опиума ставят особенно острый вопрос о природе колониальной власти. Государство, заявлявшее о своей цивилизаторской миссии, извлекало средства из торговли веществом, причинявшим тяжёлый вред зависимым потребителям и их семьям. При оценке масштабов этой торговли нужны точные данные за конкретные годы, но сам механизм дохода был частью финансовой системы.

Налоги вызывали недовольство не только размером платежей. Важен был и вопрос власти: почему люди должны содержать администрацию, в которой почти не имеют политического голоса? Со временем этот вопрос всё теснее связывался с требованием независимости.

Колониальная экономика нуждалась в рабочей силе. Люди работали на плантациях, в шахтах, на строительстве дорог и в портах. Многие оставляли деревни из-за нехватки земли, долгов или надежды заработать деньги для семьи.

Важное место заняли каучуковые плантации. Они требовали крупных вложений и большого числа работников. Работа была тяжёлой, условия жизни нередко опасными для здоровья. Болезни, недостаточное питание, дисциплинарные меры и удалённость от дома делали положение рабочих особенно уязвимым.

О работниках плантаций трудно говорить как о совершенно свободных людях, которые в любой момент могли без последствий оставить нанимателя. Формальные условия найма существовали, но их действие зависело от долгов, контрактов, расстояния до дома и власти администрации на месте. Принуждение могло быть прямым или складываться из обстоятельств, при которых реального выбора почти не оставалось.

В угольных районах на севере рабочие сталкивались с иной, но тоже тяжёлой жизнью. Шахта требовала длительного труда в опасных условиях. Травмы и болезни были частью этого труда. Заработок давал возможность содержать семью или погашать долги, но рабочие оставались зависимыми от работодателей и местных властей.

Колониальная администрация видела в шахтах и плантациях источники дохода и экспорта. Для рабочего они были местом, где приходилось договариваться с надсмотрщиком, обращаться за медицинской помощью и искать способы пережить следующий сезон.

Общие условия труда создавали почву для протестов и организации. Но рабочее движение не возникало автоматически из одной бедности. Для него нужны были связи, люди, способные формулировать требования, и возможность преодолеть страх перед увольнением, арестом или насилием. В 1920-е и 1930-е годы такие связи станут важной частью новой вьетнамской политики.

Французы строили порты, шоссейные и железные дороги, административные здания. Эти сооружения изменили расстояния внутри страны. Поездка, которая прежде зависела от речного транспорта, погоды и состояния дорог, могла стать быстрее и надёжнее. Товары поступали на рынки в больших объёмах, а чиновники получали больше возможностей управлять отдалёнными районами.

Строительство требовало денег и труда. В разных обстоятельствах использовались наёмные работники и различные формы обязательного труда. Люди оставляли свои деревни, работали в тяжёлых условиях и подвергались болезням. При рассмотрении каждого проекта необходимо выяснять, каким образом набирали работников, кто обеспечивал их содержание и кто нёс ответственность за потери.

Инфраструктура не была подарком, существовавшим отдельно от колониальной системы. Она служила государству и экономике, устроенным в интересах сохранения французского контроля. В то же время построенные дороги и железные дороги использовались вьетнамцами для собственных поездок, торговли и распространения идей.

Позднее эти же пути станут объектами военного соперничества. Железная дорога могла снабжать войска и быть целью нападения. Мост соединял рынки и одновременно позволял армии перемещаться между районами. В этом смысле колониальное строительство оставило наследство, которое нельзя оценить только по первоначальным намерениям его создателей.

В Ханое, Сайгоне и других городах росло число людей, чья жизнь отличалась от жизни сельской общины. Среди них были учителя, служащие, переводчики, журналисты, владельцы магазинов, рабочие, студенты и юристы.

Городская среда создавала новые знакомства и новые способы обсуждать политику. Люди читали газеты, встречались в школах и редакциях, вступали в общества, спорили о положении страны. Доход и образование не защищали их от дискриминации. Напротив, человек, хорошо знавший французский язык и французские политические идеи, мог особенно остро замечать разницу между провозглашёнными принципами и порядком в колонии.

Французская революционная традиция говорила о свободе и равенстве. Колониальная практика предоставляла вьетнамцам ограниченное участие в управлении собственной страной. Это противоречие становилось предметом споров не потому, что образованные вьетнамцы внезапно открыли для себя политическую свободу во французских книгах. У них были и собственные представления о справедливом правлении. Но знакомство с новым политическим языком помогало формулировать требования, обращённые как к французской публике, так и к соотечественникам.

Образование оставалось доступным не всем. Число мест в школах, расходы семьи, география и социальное положение влияли на то, кто мог учиться. В разные периоды менялось соотношение традиционного и французского образования. Старые формы подготовки чиновников постепенно теряли прежнее значение, а молодые люди всё чаще искали возможности в новых школах и профессиях.

Это создавало напряжение между поколениями. Семьи могли возлагать надежды на сына, получившего французское образование, и одновременно опасаться, что он отдалится от при-

вычных норм. Молодой служащий мог ценить знания, полученные в школе, но не желать всю жизнь оставаться подчинённым колониальной администрации.

Распространение латинизированной вьетнамской письменности, куокнгы, изменило условия чтения и письма. Её история была связана с работой миссионеров, а затем с деятельностью колониальных учреждений и самих вьетнамцев. Со временем она стала важнейшим инструментом современной печатной культуры.

Изменение письменности нельзя объяснить только распоряжениями администрации. Разные люди использовали её для разных целей. Власти видели в ней средство обучения и управления. Журналисты получали возможность обращаться к новой аудитории. Реформаторы рассчитывали распространить знания шире круга людей, владевших сложной традиционной письменностью. Позднее политические организации использовали печать для обсуждения национальных и социальных требований.

Газеты и журналы не были свободны от контроля. Их закрывали, авторов преследовали, публикации подвергались цензуре. Но даже в ограниченном пространстве печати шли споры о языке, образовании, положении женщин, обязанностях государства и будущем страны.

Печатное слово не уничтожило разницу между грамотными и неграмотными. Многие люди узнавали новости не из газеты, а от тех, кто мог её прочитать, из разговоров на рынке или через родственные связи. И всё же расширение круга читателей и развитие публичного обсуждения меняли политическую жизнь. Идеи могли перемещаться между городами и провинциями быстрее, чем прежде.

Одновременно с этим колониальная полиция училась следить за типографиями, редакциями и авторами. Чем заметнее становилась печать, тем серьёзнее власть относилась к опасности, которую видела в распространяемых словах.

Служба у французов имела разные формы. Вьетнамец мог быть переводчиком в канцелярии, полицейским, школьным учителем, солдатом, судьёй или чиновником провинциальной администрации. Эти люди помогали колониальной системе работать, но их мотивы и степень власти различались.

Для одной семьи государственная служба была способом получить стабильный доход и дать детям образование. Для другой сотрудничество с французами означало повышение социального положения. Кто-то считал, что перемены возможны постепенно, через работу в существующих учреждениях. Кто-то просто не видел другого занятия.

После падения колониальной власти их судьбы будут оцениваться по-разному. Но задним числом легко предъявить человеку выбор, которого он не видел в момент решения. Участие в администрации не всегда означало поддержку всей французской политики. Вместе с тем многие служащие принимали участие в сборе налогов, надзоре и подавлении противников режима. Их действия имели последствия, которые нельзя скрыть ссылкой на необходимость кормить семью.

Колониальная система создавала не только разделение между французами и вьетнамцами. Она также усиливала различия внутри вьетнамского общества. Люди получали неравный доступ к земле, образованию и должностям. Эти различия повлияют на то, кто и какую программу независимости поддержит.

Французская власть рассматривала организованное сопротивление как угрозу безопасности колонии. Для наблюдения за политическими деятелями использовались полиция, осведомители, перлюстрация и контроль печати. Подозреваемых арестовывали, допрашивали, судили или содержали под стражей в соответствии с колониальными правилами.

Тюрьмы стали частью политической истории страны. Через них проходили участники восстаний, журналисты, члены подпольных организаций и люди, заподозренные в связях с противниками власти. Заключение разрушало семьи и организации. Одновременно тюрьма могла

становиться местом общения политических заключённых, передачи опыта и формирования новых связей.

Французские документы о сопротивлении представляют большую ценность, но требуют осторожного чтения. Полицейский отчёт составлялся для наблюдения и подавления. Его автор мог преувеличивать опасность группы, ошибаться в оценке её состава или описывать местный конфликт только как результат внешней агитации. Не менее внимательно следует относиться и к позднейшим воспоминаниям самих участников, написанным после побед и поражений, которые были неизвестны им в момент событий.

Репрессии не всегда достигали желаемой цели. Они могли уничтожить организацию и запугать её сторонников. Но могли также убедить часть населения, что мирные требования не будут услышаны. Родственники арестованных, свидетели жестокого подавления и люди, потерявшие возможность публично высказываться, пополняли круг противников колониального порядка.

При этом решимость бороться не была одинаковой. Для многих семей открытое участие в политике означало слишком большой риск. Выживание, уплата долгов и забота о близких оставались первоочередными задачами. История национального движения не должна превращать каждого жителя колонии в постоянного участника сопротивления.

Французская политика в Индокитае менялась. На неё влияли события во Франции, экономические кризисы, войны и давление со стороны образованных вьетнамцев. Иногда власти расширяли возможности печати или допускали обсуждение ограниченных реформ. Затем эти возможности могли снова сокращаться.

Для сторонников постепенных преобразований важным был вопрос представительства. Могут ли вьетнамцы участвовать в принятии решений, которые затрагивают их налоги, образование и управление провинциями? Могут ли они рассчитывать на равное применение закона и доступ к должностям?

Французские руководители могли обещать улучшения, не соглашаясь на передачу основной власти. Это ограничивало значение уступок. Даже когда открывались школы или создавались совещательные учреждения, главный вопрос оставался прежним: кто вправе принять окончательное решение, если требования местного населения противоречат интересам колониальной администрации?

Не все вьетнамские деятели отвечали на это одинаково. Одни считали, что образование и настойчивое требование реформ могут постепенно изменить положение. Другие полагали, что без разрыва с французским господством равноправия не будет. Между этими позициями существовали промежуточные варианты и люди, менявшие свои взгляды под влиянием событий.

Французская администрация опасалась, что расширение политических свобод даст противникам колониального порядка новые возможности. Национальные деятели, в свою очередь, видели, как быстро разрешённая деятельность может быть остановлена. Недоверие росло с обеих сторон, но их положение было неравным: окончательное право разрешать и запрещать оставалось у колониальной власти.

К началу XX века Французский Индокитай был связан сетью учреждений, дорог, рынков и военных постов. Французская администрация могла предъявить результаты своей работы: порты, школы, железные дороги, больницы, рост отдельных отраслей торговли. Эти результаты были видимы.

Не менее видимыми для жителей были налоги, долговая зависимость, тяжёлый труд, политическое неравенство и подавление сопротивления. Те и другие факты принадлежали одной системе. Новые учреждения создавались не вне колониального господства, а внутри него; пользоваться ими могли люди с весьма разными правами и возможностями.

Вьетнамское общество при этом не застыло в ожидании освобождения. Оно менялось. Возникали новые профессии, расширялись города, развивалась печать. Одни семьи поднимались по социальной лестнице, другие теряли землю. Люди знакомились с идеями, пришедшими из Франции, Китая, Японии и других стран, и сопоставляли их с собственным опытом.

Общий вопрос о независимости связывал тех, кто в остальном мог расходиться почти во всём. Сторонник монархии и республиканец, землевладелец и арендатор, учитель и рабочий плантации не обязательно представляли себе одну и ту же свободную страну. Даже согласившись, что французская власть должна уйти, они должны были решить, кто займёт её место и что произойдёт с существующими отношениями собственности и власти.

Эти споры начались задолго до 1945 года. Следующая глава посвящена людям и организациям, которые пытались найти на них ответ.

Глава 3. Националисты, реформаторы и коммунисты

В июне 1911 года молодой вьетнамец, работавший на французском пароходе, покинул Сайгон. Его звали Нгуен Тат Тхань. В последующие годы он жил и работал в разных странах, наблюдал за жизнью портовых городов, знакомился с политическими движениями и искал ответ на вопрос, как освободить родину от французской власти. Миру он станет известен под другим именем: Хо Ши Мин.

Когда он уезжал, борьба за независимость уже имела долгую историю. Вооружённые выступления сторонников императора были подавлены, но противники французов не исчезли. Одни искали помощи в Японии и Китае. Другие пытались открыть школы и убедить соотечественников изменить привычные способы жизни и управления. Третьи создавали тайные общества и готовили восстание.

У этих людей был общий противник, но не общая программа. Они спорили о монархии и республике, о земле и собственности, об образовании, вооружённой борьбе и роли иностранных союзников. Независимость могла означать для них разные вещи: возвращение власти вьетнамской династии, создание конституционного государства или социальную революцию.

К 1945 году коммунистическое движение сумело занять ведущее положение среди сил, претендовавших на руководство национальным освобождением. Этот результат не был предрешён в начале века. Чтобы понять его, нужно рассмотреть и тех, кто победил, и тех, чьи программы, организации и надежды потерпели поражение.

Во второй половине XIX века значительная часть сопротивления французам выступала от имени императора. Учёные и чиновники, привыкшие связывать порядок в стране с династией и двором, организовывали отряды, собирали сторонников и пытались продолжить борьбу даже тогда, когда правительство в Хюэ шло на уступки.

К концу столетия наиболее крупные выступления были подавлены. Франция укрепляла администрацию, строила военные посты, использовала местные силы и сеть осведомителей. Отдельные очаги сопротивления сохранялись, но вернуть прежнюю самостоятельность страны они не могли.

Поражение заставляло искать причины неудачи. Одни видели их в недостатке вооружения и отсутствии помощи извне. Другие считали, что обществу не хватает современных знаний и новых учреждений. Третьи сомневались в способности монархии возглавить освобождение.

Эти размышления происходили на фоне перемен во всей Восточной Азии. Япония после преобразований второй половины XIX века усилила армию и государство. Победа Японии над Россией в 1905 году произвела сильное впечатление на людей, привыкших считать европейские державы непобедимыми. В Китае нарастал кризис империи и действовали революционные организации. Для вьетнамцев опыт соседей не давал готового решения, но показывал, что существующий порядок можно оспорить.

Фан Бой Тяу принадлежал к поколению образованных вьетнамцев, получивших традиционное образование и пришедших к выводу, что одними прежними средствами французов не изгнать. Он искал сторонников внутри страны и за её пределами, стремясь соединить национальную борьбу с возможностями, которые открывались в Азии.

В начале XX века он участвовал в создании организации, ставившей целью восстановить независимость Вьетнама. В её работе использовался авторитет представителя императорского рода, принца Кыонг Де. Для части сторонников монархический символ оставался важным: он помогал связать новую политическую организацию с привычным представлением о законной власти.

Особые надежды Фан Бой Тяу возлагал на Японию. Его движение, известное как Донгзу, или «движение на Восток», помогало молодым вьетнамцам отправляться туда на учёбу. Предполагалось, что они получат знания и подготовку, необходимые для освобождения страны.

Но интересы Японии не совпадали автоматически с интересами вьетнамских националистов. Японское правительство строило собственные отношения с Францией и не было готово подчинить их планам вьетнамских эмигрантов. Под давлением обстоятельств деятельность движения была свёрнута, а его участники вынуждены покинуть Японию.

Это поражение показало пределы расчёта на иностранное покровительство. Соседняя держава могла служить примером или временным убежищем, но её правительство принимало решения исходя из собственных интересов. Для национального движения помощь извне оставалась одновременно возможностью и источником зависимости.

После революции 1911 года в Китае Фан Бой Тяу пересмотрел прежнюю опору на монархический проект. Созданная им во Вьетнамской эмигрантской среде организация выступала уже за республику. Менялась форма будущего государства, но сохранялись трудности: недостаток ресурсов, слабая связь между группами, работа из-за границы и давление французских служб безопасности.

В 1925 году Фан Бой Тяу был захвачен в Китае и передан французским властям. Его суд вызвал широкий отклик. Приговорённый первоначально к тяжёлому наказанию, он затем был помещён под надзор в Хюэ, где и провёл оставшуюся жизнь. Его деятельность не привела к освобождению страны, но помогла сформировать язык национальной независимости, с которым считались следующие поколения.

Фан Тяу Чинь иначе смотрел на причины слабости Вьетнама. Он критиковал монархический порядок и придавал большое значение образованию, гражданским правам и преобразованию общественной жизни. Для него недостаточно было заменить иностранную власть собственной династией, если население по-прежнему оставалось бесправным, а государство не отвечало перед обществом.

Он выступал за распространение современных знаний и развитие способностей самих вьетнамцев управлять своей страной. В его представлении освобождение требовало не только изгнания иностранцев, но и перемен в отношениях между правителями и населением.

Фан Тяу Чинь пытался использовать противоречия французской политики. Обращаясь к провозглашённым во Франции принципам свободы и прав человека, он требовал реформ в колонии. Это не означало, что он считал колониальное неравенство приемлемым. Он полагал, что внешнее давление и внутреннее обновление могут открыть путь к более справедливому порядку, тогда как неподготовленное восстание приведёт к новым жертвам.

Его позиция вызывала споры. Сторонники вооружённой борьбы сомневались, что власть, получившая страну силой, добровольно откажется от своих преимуществ. Умеренные деятели, напротив, опасались, что насилие даст французам повод для ещё более жёстких репрессий и отбросит развитие общества назад.

Практика колониального управления давала основания для скепсиса. Школы и общественные инициативы, которые власти считали опасными, закрывались. Сам Фан Тяу Чинь

подвергался преследованию и заключению. Он также жил во Франции, где продолжал критиковать колониальный порядок. После его смерти в 1926 году похороны и памятные мероприятия стали выражением широкого общественного интереса к политическому будущему страны.

Спор между сторонниками реформ и сторонниками вооружённой борьбы не был спором между патриотами и людьми, равнодушными к независимости. Их разделяла оценка возможностей, сроков и допустимой цены перемен. Позднейшие события не делают этот выбор простым задним числом.

Национальная политика начала века распространялась не только через подпольные организации. Важную роль играли школы, общества взаимопомощи, газетные статьи и публичные обсуждения. Их участники говорили о грамотности, здоровье, торговле, положении женщин и необходимости новых знаний.

В 1907 году в Ханое действовала Тонкинская бесплатная школа, известная как Донгкинь нгиа тхук. Её создатели стремились соединить образование с общественным обновлением. Школа просуществовала недолго: французские власти увидели опасность в её деятельности и закрыли её. Но сам замысел показал, что борьба за будущее страны велась также через учебники, лекции и попытки изменить отношение людей к собственным возможностям.

Расширение печати позволяло обсуждать вопросы, которые раньше оставались в пределах узкого круга образованных семей и чиновников. Газеты попадали в города и провинциальные центры, их статьи читали вслух и пересказывали. Вокруг изданий складывались сети авторов и читателей.

Свобода печати зависела от политической обстановки и колониальных правил. Издание могло существовать до тех пор, пока власть считала его допустимым. Редакции закрывали, публикации запрещали, авторов вызывали на допрос. Тем не менее опыт публичного спора оказался важным. Он помог сформировать людей, которые позднее станут организаторами партий, профсоюзов и национальных фронтов.

Первая мировая война затронула Вьетнам, хотя основные сражения велись далеко от него. Франция нуждалась в людях и ресурсах. Из Индокитая во Францию направлялись солдаты и рабочие. Для участников этих перемещений война становилась возможностью увидеть метрополию и её общество, но также приносила тяжёлый труд, разлуку и опасность.

После войны надежды на изменение международного порядка связывались с обсуждением права народов на самоопределение. Вьетнамские деятели пытались добиться внимания к положению своей страны. Но принципы, обсуждавшиеся победившими державами, применялись избирательно и не означали готовности Франции отказаться от колониального господства.

В 1919 году группа вьетнамцев во Франции передала обращение с требованиями реформ, подписанное именем Нгуен Ай Куок. Под этим именем действовал Нгуен Тат Тхань. В обращении говорилось о правовых и политических изменениях, а не содержалась развёрнутая программа немедленной независимости. Оно не принесло ожидаемых уступок, но стало важным эпизодом политической деятельности будущего Хо Ши Мина.

Разрыв между провозглашёнными принципами и отношением к колониям побуждал искать союзников среди сил, выступавших против существующего международного порядка. Для одних таким союзником могли стать азиатские националисты. Для других всё большее значение приобретало международное коммунистическое движение.

Жизнь за пределами Вьетнама дала Нгуен Ай Куоку возможность наблюдать французскую политику изнутри и общаться с людьми из разных колоний. Он работал, занимался журналистикой, участвовал в политических собраниях и обращал внимание на связь между положением колониальных народов и устройством международной экономики.

В 1920 году он поддержал присоединение французских социалистов к Коммунистическому интернационалу и стал одним из участников образования Французской коммунистиче-

ской партии. В последующие годы он работал в международной коммунистической среде, в том числе в Москве и Китае.

Коммунистическое движение предлагало объяснение колониализма как части мирового порядка и обещало солидарность угнетённым народам. Для Нгуен Ай Куока это имело практическое значение. Международные связи давали доступ к обучению, печати, политическому опыту и людям, готовым помогать организации революционной деятельности.

Вопрос о соотношении национальной независимости и коммунизма нельзя решить, выбрав только одно из двух утверждений: будто Хо Ши Мин был исключительно националистом или будто национальная программа служила ему лишь прикрытием. Он действовал как коммунист и как противник колониального господства. В разные периоды политические обстоятельства требовали разных союзов и формулировок, но обе составляющие имели значение для его деятельности.

Международное движение не снимало противоречия между указаниями извне и условиями во Вьетнаме. Политические линии менялись. Людям, работавшим в стране, приходилось учитывать крестьянское большинство, региональные различия, силу колониальной полиции и наличие других национальных организаций. Способность учитывать эти условия станет одним из важных вопросов в истории вьетнамского коммунизма.

В 1920-е годы Нгуен Ай Куок работал в Кантоне, где помогал готовить вьетнамских революционеров. Возникла Ассоциация революционной молодёжи Вьетнама, объединившая людей, заинтересованных в борьбе против французской власти и знакомых с коммунистическими идеями.

Обучение и политическая работа были тесно связаны. Организации нужны были не только сторонники, но и люди, способные создавать ячейки, вести переписку, распространять материалы, собирать деньги и действовать после арестов товарищей. Такие навыки редко привлекают столько внимания, сколько выступления лидеров, хотя без них подполье быстро распадалось.

Во второй половине 1920-х годов коммунистические группы расширяли деятельность во Вьетнаме. Среди участников существовали разногласия об организационных формах и стратегии. В начале 1930 года представители нескольких коммунистических организаций объединились при участии Нгуен Ай Куока. Так была создана Коммунистическая партия Вьетнама, позднее в том же году переименованная в Коммунистическую партию Индокитая.

Название отражало стремление действовать в рамках колониального Индокитая, а не только во вьетнамских областях. На практике возможности партии в разных частях региона были неодинаковыми. Отношения с населением Лаоса и Камбоджи требовали учёта местных условий и не могли быть обеспечены одним общим названием.

Партия ставила вопросы национального освобождения и социальных перемен. Её программы обращались к рабочим и крестьянам, к проблемам земли, налогов и труда. Но между программой и реальным влиянием лежала большая дистанция. Организаторы должны были завоевать доверие людей, которые рисковали потерять работу, свободу или жизнь при участии в подпольной деятельности.

Коммунисты были не единственной силой, пытавшейся создать современную организацию для борьбы с французами. В 1927 году возникла Вьетнамская национальная партия, известная под сокращением ВНКД. Она опиралась прежде всего на отдельные городские и образованные круги, военных и служащих, хотя её связи не ограничивались одной социальной группой.

Партия выступала за независимость и ориентировалась на националистические идеи, распространённые в регионе. Её участники стремились создать организацию, способную поднять вооружённое восстание. Однако работа осложнялась нехваткой средств, разногласиями и наблюдением колониальной полиции.

В феврале 1930 года началось восстание, наиболее известное по событиям в Йенбае, где выступили вьетнамские военнослужащие и связанные с ними участники подполья. Расчёт на широкое распространение выступления не оправдался. Французские власти быстро подавили очаги сопротивления и провели массовые аресты.

Руководителей и участников судили. Несколько видных деятелей, включая Нгуен Тхай Хока, были казнены. Организация понесла тяжёлые потери, её сети были разрушены или ослаблены. Части её сторонников удалось продолжить деятельность, в том числе за пределами страны, но прежнего положения партия не сохранила.

Поражение при Йенбае нельзя объяснить только неудачным планом. Националистам противостояло государство с армией, полицией и возможностью преследовать людей по всей колонии. В то же время сам ход событий показал трудность восстания, которое рассчитывало на быстрый военный успех, не имея достаточно прочной и широкой организации.

Вьетнамская национальная партия проиграла борьбу за ведущее положение в антиколониальном движении, но её участники не исчезли из истории. Националистические силы продолжали действовать и в 1940-е годы, соперничая с коммунистами и предлагая иные представления о будущем государства.

В 1930 году волна протестов и столкновений охватила ряд районов Вьетнама. Особенно значительными события были в центральных провинциях Нгеан и Хатинь. На положение населения влияли хозяйственные трудности, налоги, безработица и общая неустойчивость экономики в годы мирового кризиса.

Рабочие и крестьяне участвовали в демонстрациях, предъявляли требования и вступали в столкновения с властями. Коммунистические организации играли важную роль в мобилизации. В отдельных местностях после ослабления или ухода представителей прежней администрации возникали формы местного управления, связанные с революционным движением. В последующей политической памяти эти события получили название Нгетиньских советов.

Характер и продолжительность местной власти различались. Поэтому нельзя описывать весь регион как территорию, где на одинаковых основаниях и надолго установился новый порядок. Но происходившее показало, что антиколониальная политика способна соединяться с социальными требованиями и опираться на сельские общины.

Французские власти ответили силой. Применялись аресты, военные операции и авиация; были убиты и заключены под стражу многие участники движения и другие жители затронутых районов. Определение точного числа жертв требует сопоставления источников, но масштаб подавления был тяжёлым.

Партия понесла большие потери. Многие организаторы были арестованы, связи нарушены. События 1930–1931 годов стали для коммунистов источником политической памяти и одновременно показали, насколько уязвимо движение перед колониальным аппаратом принуждения.

После волны репрессий начало 1930-х годов не было временем непрерывного роста коммунистической организации. Её приходилось восстанавливать. Оставшиеся на свободе участники искали новые контакты, заменяли арестованных и заново налаживали связь между районами и эмигрантскими группами.

Полицейский контроль заставлял соблюдать осторожность. Конспирация защищала участников, но ограничивала и их возможности открыто говорить с людьми. Подпольная ячейка могла сохраняться благодаря нескольким надёжным связям, однако её разгром часто происходил после ареста или предательства одного человека.

Тюрьмы и места заключения, включая остров Пуло-Кондор, были инструментами наказания. Для части политических заключённых они также стали местом учёбы и споров. Это не делает заключение школой по добровольному выбору: условия были тяжёлыми, многие люди

болели и погибали. Но там, где сохранялась возможность общения, заключённые передавали друг другу опыт и обсуждали будущую работу.

Устойчивость партии объяснялась не неуязвимостью. Напротив, её организации неоднократно разрушали. Значение имела способность восстанавливать связи, готовить новых участников и сохранять политическую программу после потери руководителей. Насколько успешно это удавалось, зависело от места и времени.

Во второй половине 1930-х годов политическая обстановка во Франции изменилась. Победа Народного фронта на выборах 1936 года породила надежды на реформы и расширение свобод. В Индокитае возникло пространство для общественных кампаний, хотя колониальная власть сохраняла средства контроля.

Активисты обсуждали условия труда, налоги, представительство, свободу печати и амнистию заключённых. Выходили газеты, проводились собрания, собирались требования для передачи властям. Коммунисты и другие левые деятели использовали возможности легальной и полулегальной работы, сотрудничая в отдельных кампаниях с людьми, не разделявшими их полную программу.

Такой опыт требовал иных навыков, чем подполье. Нужно было выступать перед широкой аудиторией, редактировать газету, выдвигать понятные требования и договариваться с временными союзниками. Открытая деятельность помогала установить связи с рабочими, служащими, журналистами и жителями провинций.

Но надежды на глубокие перемены быстро столкнулись с ограничениями. Французская администрация не собиралась отказываться от колониальной власти. Реформы проводились непоследовательно, а при изменении политической обстановки пространство для организаций и печати сокращалось.

Значение этого периода состояло не в том, что он доказал возможность мирного перехода к независимости или окончательно опроверг её. Он показал, как много требований накопилось в обществе и как трудно было удовлетворить их, не затронув основы колониального управления.

Коммунистические организации добивались поддержки, связывая национальное освобождение с проблемами повседневной жизни. Для рабочего важны были заработок, продолжительность труда и защита от произвола. Для арендатора имели значение размер арендной платы, долги и доступ к земле. Для образованного служащего вопрос мог состоять в политических правах и дискриминации.

Обещание независимости не отвечало автоматически на все эти вопросы. Человек мог спросить: изменится ли его положение после ухода французов или прежний владелец земли и новый чиновник продолжат требовать столько же? Социальная программа давала революционному движению возможность говорить с людьми о непосредственных интересах, а не только о будущем государстве.

Но социальные требования создавали и трудности для широкого союза. Землевладельцы, торговцы и обеспеченные горожане могли выступать против колониального господства и одновременно опасаться конфискаций или революционного насилия. Для объединения таких групп требовались компромиссы, а компромиссы вызывали вопросы у тех, кто ждал немедленного изменения земельных отношений.

На протяжении 1930-х годов коммунистическая политика менялась вместе с международной обстановкой и оценкой внутренних задач. Нельзя считать, что партия всё время предъявляла одну неизменную программу или одинаково относилась ко всем возможным союзникам. Её практика включала и попытки широкого сотрудничества, и жёсткое разграничение с политическими противниками.

Разные антиколониальные организации работали в условиях надзора, арестов и нехватки средств. Это не сделало их естественными союзниками. Их разделяли взгляды на собствен-

ность, государственную власть, религию и будущие отношения с другими странами. Им приходилось также бороться за сторонников, деньги, оружие и возможность говорить от имени независимого Вьетнама.

Националисты, не принадлежавшие к коммунистическому движению, могли опасаться, что после ухода французов одна партия установит монополию на власть. Коммунисты, со своей стороны, считали некоторые другие организации недостаточно последовательными, слишком зависимыми от внешних покровителей или неспособными мобилизовать население.

Эти оценки были частью политической борьбы и не должны без проверки становиться выводами автора. Среди противников коммунистов находились как люди, готовые сотрудничать с иностранными властями ради собственных целей, так и убеждённые сторонники независимости. Среди коммунистов были как организаторы, пользовавшиеся доверием на местах, так и участники жёсткой борьбы против соперников.

В последующие годы политическое соперничество будет сопровождаться арестами и убийствами. Рассматривать его только как борьбу идей недостаточно. Но и сводить успех коммунистов исключительно к устранению противников нельзя: для удержания влияния требовались организации, поддержка, военные возможности и программа, понятная значительной части населения.

К концу 1930-х годов французская власть оставалась во Вьетнаме, а ни одна национальная организация не могла считать победу обеспеченной. Однако у коммунистического движения имелись качества, которые помогут ему воспользоваться будущим кризисом.

Оно создавало сети, способные действовать в разных частях страны. Эти сети неоднократно разрушались, но часть участников сохраняла связи и восстанавливала работу. Важную роль играла подготовка кадров, привыкших действовать в сложных условиях и передавать политический опыт другим.

Движение обращалось к вопросам, непосредственно затрагивавшим рабочих и крестьян. Земля, аренда, налоги и условия труда были понятны людям, которые могли не участвовать в спорах о конституционном устройстве. При этом национальная независимость давала возможность объединять вокруг общей цели группы с разными социальными интересами.

Международные связи приносили знания и поддержку, хотя одновременно создавали обязательства и зависимость от меняющейся политики иностранных союзников. Революционеры учились действовать через границы, искать убежище и использовать зарубежные контакты.

Соперники коммунистов также сталкивались с репрессиями. Разгром Вьетнамской национальной партии после Йенбая и ограничения реформаторской деятельности ослабили альтернативные направления. Однако эти поражения сами по себе не обеспечивали коммунистам поддержки. Люди должны были видеть в их организации силу, способную действовать и предлагать решения.

Наконец, преимущество зависело от обстоятельств, которые ещё не наступили в конце 1930-х годов. Мировая война изменит положение Франции в Индокитае, приведёт к японскому военному господству и создаст кризис власти. В этих условиях организационный опыт коммунистов получит новое значение.

В конце 1930-х годов Вьетнам оставался колониально зависимой страной. Националисты, реформаторы и коммунисты расходились во взглядах, но никто из них не добился решения главного вопроса: кто и на каких основаниях должен управлять Вьетнамом.

Французская администрация сохраняла армию и полицию, но ей не удалось устранить причины недовольства. Образованные вьетнамцы требовали прав и участия в управлении. Рабочие и крестьяне выступали против условий труда, долгов и неравенства. Подпольные организации переживали разгромы и возникали вновь.

Когда в Европе началась новая мировая война, ни одна из этих сил ещё не знала, каким окажется её исход в Азии. Ослабление Франции откроет возможности для её противников, но принесёт стране и новые опасности. Следующую главу придётся начать с перемен, произошедших далеко от Вьетнама, а затем проследить, как они отразились на власти, продовольствии и жизни его жителей.

Глава 4. Японская оккупация и кризис колониального порядка

Весной 1945 года в Ханой приходили люди из деревень дельты Красной реки. Они шли в поисках еды или работы, иногда семьями, иногда поодиночке. Многие уже не могли вернуться домой. На улицах и дорогах появлялись умершие от голода. Город, где находились государственные учреждения и склады, не мог прокормить всех, кто искал спасения.

Голод охватил значительную часть Северного и Северо-Центрального Вьетнама. Его причины накапливались несколько лет: военные требования, перебои в перевозках, неурожаи, действия властей и состояние хозяйства. Разные исследователи по-разному оценивают число погибших. Но даже самые осторожные оценки говорят о катастрофе, которая затронула огромное число семей.

В те же месяцы рушился политический порядок, существовавший в Индокитае со времён французского завоевания. В марте японские военные свергли французскую администрацию, с которой до того несколько лет делили власть. В августе капитулировала Япония. Между двумя этими событиями во Вьетнаме действовало правительство, объявившее страну независимой, но зависевшее от японской силы. В провинциях росло влияние организаций, готовых воспользоваться крушением прежней власти.

Одной из них был Вьетминь. Его руководители готовились к борьбе за независимость ещё до японского переворота. Теперь они получили возможность, которой прежде не имели. Но население, к которому они обращались, переживало не только политическое пробуждение. Оно переживало голод, страх и распад привычного порядка.

В июне 1940 года Франция заключила перемирие с Германией. В Европе возникло правительство во главе с маршалом Филиппом Петеном, располагавшееся в Виши. Оно сохраняло власть над частью французской территории и стремилось удержать колониальную империю, хотя сама Франция больше не могла действовать как прежде.

Для Индокитая поражение метрополии имело немедленные последствия. Французская администрация ещё обладала чиновниками, полицией и войсками, но её положение зависело от обстановки в Азии. На северной границе находился Китай, с которым Япония вела войну. Японское командование стремилось перекрыть пути снабжения китайского правительства и получить доступ к аэродромам и транспортным маршрутам Индокитая.

Французские власти пытались сохранить свои полномочия, идя на уступки. В сентябре 1940 года японские войска вошли в северную часть Индокитая. При этом французская администрация не исчезла. Между двумя властями сложились отношения, в которых Япония обладала военным преимуществом, а французы продолжали управлять значительной частью повседневных дел.

Для жителей это не означало простой смены одного правителя другим. Сохранялись французские чиновники, местные служащие, налоги и полиция. Вместе с тем японские военные получали новые возможности распоряжаться территорией и ресурсами. Решения, затрагивавшие вьетнамцев, принимались двумя иностранными силами, отношения между которыми определялись прежде всего их собственными интересами.

Летом 1941 года японское присутствие распространилось на южную часть Индокитая. Регион стал важной базой для дальнейших операций Японии в Юго-Восточной Азии. Для Франции сотрудничество с японцами было способом сохранить хотя бы часть управления.

Для Японии сохранение французского аппарата позволяло использовать уже существовавшую систему сбора налогов, контроля и снабжения.

Это сотрудничество не означало доверия. Французская администрация опасалась потерять остатки самостоятельности. Японцы следили за возможностью перемены французской позиции по мере развития мировой войны. Каждая сторона старалась удержать доступ к ресурсам и учреждениям.

Вьетнамские жители не имели равного положения ни с одной из этих сил. Они платили налоги, снабжали хозяйство рабочими руками и жили под надзором администрации. Военные нужды усиливали давление на производство и перевозки. Политическая деятельность, направленная против колониального порядка, продолжала подвергаться преследованию.

Японская пропаганда использовала идеи освобождения Азии от европейского господства. Но военное присутствие Японии не предоставляло вьетнамцам возможности самостоятельно решать свою судьбу. Японское командование было заинтересовано прежде всего в ведении войны и обеспечении собственных войск.

Некоторые вьетнамские деятели всё же рассчитывали использовать противоречия между Японией и Францией. Для одних Япония оставалась возможным противовесом колониальной власти. Другие считали её новой иностранной державой, от которой нельзя ожидать подлинной независимости. Эти разногласия скажутся на политической борьбе 1945 года.

Первые месяцы мировой войны в Индокитае сопровождались выступлениями против французской власти. В сентябре 1940 года произошло восстание в районе Бакшона на севере. Оно возникло в условиях военного кризиса и движения французских войск после японского наступления. Участники захватили оружие и попытались закрепиться, но удержать достигнутое было трудно.

В ноябре вспыхнуло восстание в Кохинхине. Его организаторы рассчитывали на более широкий подъём против колониальной администрации. Французские власти подавили выступление и провели аресты. В декабре произошло выступление вьетнамских военнослужащих в Долюнге в Центральном Вьетнаме; оно также потерпело поражение.

Эти события не составили единой победоносной кампании. Между отдельными районами было трудно поддерживать связь, а колониальное государство сохраняло значительные силы. Репрессии обрушились на организации и население, подозреваемое в поддержке восставших.

Поражения имели значение и для будущей стратегии. Руководителям революционного движения приходилось учитывать, что локальный успех ещё не обеспечивает общенационального восстания. Требовались базы, кадры, вооружение и политическая поддержка, которые можно было сохранить до наступления более благоприятного момента.

В 1941 году Нгуен Ай Куок вернулся во Вьетнам после многих лет жизни и политической работы за границей. Позднее он станет широко известен под именем Хо Ши Мин. Его возвращение было связано с подготовкой движения, которое могло действовать в изменившихся условиях мировой войны.

В мае 1941 года на совещании коммунистического руководства в северном пограничном районе была определена линия, ставившая национальное освобождение в центр ближайших задач. Был создан Вьетминь, Лига независимости Вьетнама. Она должна была объединять людей, готовых бороться против иностранного господства, независимо от различий, которые могли помешать общему выступлению.

Коммунисты играли ведущую роль в организации Вьетминя, но фронт не был просто другим названием партии. Его задача состояла в том, чтобы расширить круг сторонников за пределы партийного подполья. В условиях, когда для многих важнейшим вопросом была независимость, такая форма позволяла обращаться к крестьянам, учителям, молодёжи и местным деятелям с разным политическим опытом.

Широкая программа не уничтожала различий между участниками. Одни ожидали прежде всего изгнания иностранцев. Другие связывали эту цель с будущим социальным переустройством. Сохранялся и вопрос о том, какую свободу будут иметь другие политические силы, если Вьетминь получит власть. В начале 1940-х годов этот вопрос ещё не был решён.

Одним из центров деятельности Вьетминя стала провинция Каобанг у китайской границы. Горный и лесистый район давал возможности для укрытия и связи с внешним миром, но создавал серьёзные трудности снабжения. Организаторам требовались пища, жильё, проводники, сведения о передвижении противника и люди, готовые принимать на себя риск.

Местное население не было однородным. В пограничных районах жили разные этнические общины, имевшие собственные языки, связи и отношения с властями. Успех политической работы зависел от того, могли ли пришедшие организаторы объяснить свои цели и найти местных участников, которым доверяли соседи.

Вьетминь создавал объединения для разных групп населения, распространял обращения, проводил обучение и устанавливал связи между деревнями. Значение имела не только убеждённость руководителей, но и способность решать практические вопросы: как предупредить об опасности, где спрятать человека после облавы, каким путём передать сообщение.

Поддержку нельзя считать одинаковой во всех местах. Одни жители сочувствовали движению и помогали добровольно. Другие старались не связываться с опасной политикой. Были и случаи давления со стороны вооружённых участников. История пограничных баз требует внимания к местным обстоятельствам, а не только к решениям руководства.

Вьетминь постепенно создавал вооружённые группы. После восстания в Бакшоне часть участников сохранила возможность действовать в горных районах. В других местах формировались отряды самообороны и небольшие подразделения, связанные с политической работой.

Во Нгуен Зяп, в прошлом учитель и политический активист, участвовал в организации этих сил. В декабре 1944 года был создан пропагандистский вооружённый отряд освобождения Вьетнама. Его первоначальный состав был невелик, но значение заключалось не только в числе бойцов. Подразделение должно было сочетать военные действия с политической работой и стать основой для расширения вооружённой организации.

Оружия не хватало. Люди зависели от захваченных винтовок, местных запасов и ограниченных поставок. Успешное нападение могло пополнить арсенал, но неудача грозила потерей обученных участников. Поэтому военные действия выбирались с учётом возможностей отступления и поддержки на местах.

Позднее в официальной памяти малые отряды начала 1940-х годов нередко рассматривались как прямое начало большой армии, одержавшей победы в последующих войнах. Такая связь существует, но она не должна скрывать неопределённость того времени. В 1944 году исход борьбы ещё не был известен, а у движения не было сил для открытого соперничества с хорошо вооружённым противником на всей территории страны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.